

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ О НАРОДАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Статья посвящена истории изучения вопросов этногенеза, этнической истории и межэтнического взаимодействия в отечественном народоведении конца XIX – начала XX в. Прослеживается эволюция исследовательских подходов в дореволюционной, эмигрантской и советской науке от В.Н. Татищева до С.А. Токарева. Особое внимание уделяется двум этнографическим центрам русской эмиграции – дальневосточному, представителем которого был С.М. Широкогоров, и западноевропейскому, представленному евразийской школой.

Ключевые слова: этногенез; история науки; С.М. Широкогоров; евразийство.

Проблема происхождения и развития народов является одной из самых обсуждаемых в российской гуманитарной науке. Термин «этногенез» стал активно использоваться в науке в 1950–1960-х гг. В современной этнографии под этногенезом в широком смысле понимается «вся та совокупность исторических явлений и процессов, которые имеют место в ходе формирования того или иного народа и приводят к окончательному сложению его этнического лица» [1. С. 3], иначе говоря, этническая история в узком смысле – только тот процесс, «в результате которого из ряда существовавших до этого этносов, этнических общностей или их частей складывается новый этнос» [2. С. 8]. Становление теории этногенеза происходило одновременно со становлением отечественной этнографии, хотя первые версии, объясняющие происхождение различных народов с опорой на библейскую традицию, появились за несколько веков до этого. Вопросы происхождения народов в масштабах академического дискурса были поставлены В.Н. Татищевым, которого С.А. Токарев назвал отцом русской исторической этнографии [3. С. 80].

Материалы по истории России В.Н. Татищев начал собирать в 1719 г.; в 1739 г. он передал в Академию наук труд, где, обобщив летописный материал, связал настоящее с прошлым, современную русскую культуру с древностью; из живых языков объяснил древние географические названия. Во второй половине XVIII в. М.В. Ломоносовым была поставлена проблема происхождения русского народа. Ученый исходил из того, что корни славянских народов лежат в Азии, а в формировании русских, помимо славян, участвовали финны. Им было выдвинуто несколько положений, имевших большое значение для развития теории этногенеза: несовпадение истории народа, истории его имени и истории государства; неправомочность сведения современного народа к какому-либо одному предку [Там же. С. 115]. В начале XIX в. Н.Я. Бичурин на примере народов Востока подтвердил тезис М.В. Ломоносова о том, что имя народа не может однозначно маркировать его происхождение и историю; смена имени не обязательно означает изменение этноса [Там же. С. 161–162].

Во второй половине XIX в. вопросы этногенеза и этнической истории прочно заняли одно из важнейших мест в отечественной гуманитарной науке. При рассмотрении проблемы этногенеза, как отмечал в 1949 г. С.А. Токарев, в науке того времени использовались три метода: «генеалогический» принцип, метод отыскания «предков» и идея «прародины». В первом случае речь шла о возведении к «родоначальнику». Второй метод заключался в том, что живущий народ соотносился с

тем или иным народом древности (так, русские считались потомками сарматов). Третий метод сводился к отысканию исторической родины народа [4. С. 40–42].

Обращаясь к проблемам происхождения народов России, исследователи привлекали материалы физической антропологии, археологии, лингвистики. Обоснование задач российской антропологии в 1900 г. Д.Н. Анучин предлагал, размышляя о судьбе русского этноса: «На пространстве между арийскими племенами, славянами, немцами на западе и урало-алтайскими на востоке образовался громадный народ, представляющий собою как бы переходную ступень между теми и другими, но с очевидным преобладанием западных элементов. Сравнительный антропологический анализ должен уяснить нам расовый состав этого народа, установить его типы, показать их отношение к типам Запада и Востока. Такой же анализ типов древнего населения (на основании остатков из могил и т.д.) должен выяснить отношение их к современным и между собою на всем пространстве древнеславянской и соседних с ней территорий. Части древнего населения, известные нам под различными названиями исчезнувших народов и по скудным сведениям о них классических и средневековых писателей, должны быть восстановлены мысленно в главных чертах их физического типа и бытового склада, из указаний антропологии и археологии. Покуда работа в этом направлении, можно сказать, еще только началась» [5. С. 17].

В «Лекциях по этнографии славян...» А. Францев указывал: «Русский народ в племенном отношении не одинок в мире. В славянской семье народов он является самым крупным и могущественным членом» [6. С. 6]. Настаивая на славянских истоках русских, исследователи начала XX в. не отрицали возможность заимствования отдельных элементов их культуры у неславянских народов. В рамках решения проблем происхождения русских отечественными исследователями была поднята важнейшая проблема межэтнического взаимодействия.

Так, Н.Н. Харузин в статье «К вопросу об ассимиляционной способности русского народа» рассматривал контакты русских с финно-угорскими и тюрко-монгольскими народами. Им были выделены факторы, влияющие на возможности ассимиляции: смешанные браки, природно-ландшафтные условия, религия, сходства и различия быта; в качестве главного фактора назывался культурный уровень взаимодействующих народов [7. С. 22–27]. В результате ученый пришел к выводу, что не существует особой «ассимиляционной способности», можно говорить только об «ассимиля-

ционной деятельности» как составляющей процесса этнической истории и этногенеза. В начале XX в. тема межэтнических контактов рассматривалась в историко-этнографическом и историко-генетическом контекстах. В качестве примера можно привести теорию скифского происхождения русского народа, среди сторонников которой были Д.Я. Самоквасов, А.Л. Погодин и многие другие.

Уже в начале XX в. российская этнография обратилась к решению задач системного анализа этногенеза. Дальнейшая разработка этого круга проблем была связана с именем выдающегося исследователя Дальнего Востока С.М. Широкогорова (1887–1939). В 1920 г. он покинул Россию, продолжив деятельность в университетах Харбина и Пекина. Вскоре во всем мире стала известна разработанная им теория этноса как особой формы самоорганизации человеческого сообщества. Согласно С.М. Широкоговору, этнос – это «группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп» [8]. Одним из первых С.М. Широкогоров рассмотрел этнос как живой организм, который рождается, живет и умирает. Не используя термин «этногенез», он различал два процесса – формирование нового этноса и его изменения. Он впервые предложил различать этногонические процессы и этническую историю.

Образование этноса, по мнению ученого, происходило в результате центробежных или центростремительных процессов [9. С. 19–26]. В первом случае речь шла о распаде одного этноса на несколько новых (причины этого могли быть различными: культурными, экономическими, политическими, религиозными и т.д.). Во втором случае осуществлялась консолидация различных групп в новый этнос. При этом, как подчеркивал исследователь, «нельзя естественным образом сказать, когда начинается существование нового этноса и когда старый этнос как единица умирает. Это – непрерывный процесс» [Там же. С. 22]. Изменение этноса, по С.М. Широкоговору, происходило при изменении этнической среды. В работе «Этнос» он впервые привел формулу этнического равновесия ($q/SI = \omega$, где q – численность населения, S – показатель культурности, I – территория и ω – коэффициент равновесия), из которой следовало, что изменение одного из признаков автоматически вело к изменениям остальных, поскольку коэффициент равновесия должен быть постоянным [10]. Введенная исследователем формула сближала этнографию с естественными науками. При большой доле субъективизма в определении параметров этноса концепция С.М. Широкогорова имела системный характер.

В тот же период проблема этногенеза разрабатывалась кругом исследователей в европейских научных центрах. В 1920–1930-е гг. в Праге, Вене, Париже сложилось движение евразийцев, в состав которого входили: лингвист и этнограф Н.С. Трубецкой (1890–1938), историки Г.В. Вернадский (1887–1973) и Л.П. Карсавин (1882–1952), географ П.Н. Савицкий (1895–1968) и другие. В фокусе внимания евразийцев находился русский этнос. Вслед за Д.Н. Анучиным они говорили о

субстратной природе русского этногенеза: «...в этнографическом отношении русский народ не является исключительно представителем славянства... Связь русских с туранцами (тюрко-монгольскими и угрофинскими народами. – А.П.) закреплена не только этнографически, но и антропологически... В народном характере русских, безусловно, есть какие-то точки соприкосновения с туранским Востоком... Русский национальный характер, впрочем, достаточно сильно отличается как от угрофинского, так и от тюркского, но в то же время он решительно не похож и на национальный характер других славян» [11. С. 194].

Исчерпывающего развития концепция русского этногенеза достигла в трудах Г.В. Вернадского. Отмечая бесплодность поиска «прародины», или «праязыка», исследователь предлагал комплексный подход с привлечением данных лингвистики, физической антропологии, археологии и географии; при этом ни один из параметров, взятый в отдельности, не мог представить истинную картину [12. С. 20–23]. В интерпретации Г.В. Вернадского русский народ обладал следующими характеристиками: говорил на языке, относящемся к славянской семье; в антропологическом отношении был близок к народам Кавказа; археологические данные свидетельствуют о преемственности между славянскими племенами и их предшественниками, поселившимися на границе леса и степи на западе Евразии. Ранний период жизни этноса, с точки зрения Г.В. Вернадского, характеризуется двумя процессами – приспособлением к «месторазвитию» и созданием своего «месторазвития» [13. С. 27]. При этом под «месторазвитием» Г.В. Вернадский, как и большинство евразийцев, понимал глобальное сообщество живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде, единство географической среды и народа, проживающего в ней.

Важнейшей характеристикой этногенеза евразийцы признавали изменение взаимодействия этноса и среды. Новый этнос мог возникнуть в результате миграции, резких природных изменений или преобразующей деятельности людей. Среда также может сыграть важную роль в трансформации этноса или в его исчезновении.

Рассматривая реальные процессы этногенеза, исследователи евразийского круга не ставили вопрос о его движущих механизмах, хотя выделяли ряд факторов, влияющих на его характер. В рецензии к первому тому «Большого советского атласа мира», изданному в 1937 г., П.Н. Савицкий указывал на взаимосвязь между географическими, лингвистическими, этническими явлениями: при нанесении на карту географических изолиний и лингвистических изоглосс в распространении этносов можно было выявить определенную закономерность, имеющую отношение к их появлению [14].

В то же время, как отмечал Н.С. Трубецкой, при анализе проблемы происхождения народов следовало избегать переноса понятий из одной научной области в другие. Рассматривая индоевропейскую проблему, он указывал на ошибку, возникшую в результате распространения лингвистического понятия «индоевропейцы» в сферу истории, археологии, культурологии. По мнению ученого, было создано мнимое понятие «индоевропейский пранарод» [15. С. 662].

Исходя из евразийского восприятия народа как симфонической личности, представляющей собой не агломерат индивидуальных субъектов, но их согласование (симфонию), евразийцы считали, что возникновение нового этноса происходило в ходе глобального диалога при помощи языка, истории, институтов и обычаев.

Народ как симфоническая личность появляется только тогда, когда познает себя, свои цели и задачи и воплощает их в рамках высших структур самоорганизации – церкви и государства. Именно государство «является необходимою формою личного бытия народа или многонародного целого» [16. С. 150]. Однако государство – это вторичная форма, а первичной является церковь. Возникновение нового народа связывалось евразийцами с вхождением в «лоно Церкви» и созданием государства, при этом различия между понятиями «нация» и «этнос» для них не существовало [17. С. 199]. Применяя постулаты «месторазвитие» и «симфоничность» к этногенезу русских, евразийцы предложили следующую концепцию: формирование древнерусского этноса происходило на границе лесной и степной зон Западной Евразии и сопровождалось созданием оригинальной системы взаимодействия со средой, сочетающей навыки оседлых и кочевых народов. Субстратами нового этноса стали племена восточных и «средних» славян, финно-угры, иранские и, в незначительной степени, степные тюркские народы. Завершение процесса его становления приходится на период принятия христианства и создания единого Древнерусского государства.

С упадком государства (в том числе и в результате монгольского нашествия) был связан и упадок древнерусского этноса. Рождение нового русского этноса происходило в ходе массовых миграций из южных степей в северо-западные леса России и, соответственно, с изменениями в области хозяйствования и природопользования. Этническими субстратами в данном случае были древнерусский этнос, финно-угорские и тюрко-монгольские народы. Завершение процесса складывания русского народа евразийцы связывали с возвышением Москвы, укреплением православия и возникновением «бытового исповедничества». В дальнейшем важнейшими факторами эволюции русского этноса стали церковный раскол XVII в. и петровские преобразования, приведшие к фактическому его разделению на основе культурных различий.

При разработке проблем этногенеза русских евразийцы выделяли несколько вариантов межэтнических контактов. Наиболее эффективными они признавали те, при которых этносы находились в состоянии равновесия и не подавляли друг друга. Вариант, при котором один этнос заимствовал культуру другого, рассматривался в двух аспектах: заимствование материальных достижений оценивалось нейтрально, а восприятие чуждых духовных ценностей считалось негативным. С религиозным возрождением и усилением межэтнических контактов внутри Евразии могло, по прогнозам евразийцев, произойти рождение нового евразийского народа.

Следует отметить, что одновременно с евразийской теорией о смешанном происхождении современного русского этноса подобные выводы (причем в очень гипертрофированном виде) высказывались и в советской этнографии, где глава марксистского направления

в истории М.Н. Покровский говорил о 80% примеси финской крови [18. С. 160]. Эта тенденция имела свои истоки в европейской науке XIX в., когда русские часто представлялись не столько славянами, сколько представителями «туранской» расы. Евразийцы, при всем критическом отношении к европейской науке, в некотором роде выступили ее продолжателями. Основные выводы евразийцев были сделаны в 1920–1930-х гг. в рамках развития русской гуманитарной науки зарубежья.

В Советском Союзе евразийская методология долгие десятилетия была неостребованной. Но в 1949 г. в журнале «Советская этнография» (№ 3) была опубликована теоретическая статья С.А. Токарева «К постановке проблем этногенеза». Назвав уже указанные три метода этногенетических реконструкций, автор подверг их серьезной критике, указав на происходящую при этом подмену задач исследования. Основу советской теории этногенеза, отметил С.А. Токарев, составляет сталинское учение об историческом характере наций и их смешанном происхождении. Несмотря на то, что методология исследований опиралась на учение Н.Я. Марра о языке, позже опровергнутое в отечественной науке, основные положения теории этногенеза сохраняют свое значение в настоящее время.

Указывая на необходимость комплексного исследования процессов этногенеза силами этнографии, истории, археологии, антропологии и лингвистики, С.А. Токарев опирался на давнюю отечественную традицию. Говоря о дальнейших перспективах этногенетических исследований, ученый писал: «...именно *этнография* и только *этнография* как наука, изучающая *этнические особенности* отдельных народов, способна дать *наиболее полное и исчерпывающее решение* проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук, ибо такие попытки неизбежно приводят к отрыву культуры от народа, чем грешила гребнерианская школа, – а непременно в *тесном сотрудничестве с ними*» [4. С. 73]. В 1951 г. в Москве было проведено первое крупное этногенетическое совещание. В том же году в журнале «Советская этнография» вышла статья «Методология этногенетических исследований на материалах этнографии в свете работ И.В. Сталина о языкознании» С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова, положившая начало новому витку изучения этногенетической проблематики в отечественной науке.

С середины 1950-х гг. началось издание серии «Народы мира. Этнографические очерки», где вопросы этногенеза занимали важное место. Продолжая традиции отечественной и европейской этнографической науки, российские исследователи, начиная с 1950–1960-х гг., сформулировали принципы комплексного изучения проблем этногенеза и этнической истории с использованием данных различных наук, картографических методов и сравнительного анализа языковых и культурных реалий. Этногенез стал рассматриваться как многофакторный процесс возникновения и трансформации этносов с учетом их полисубстратной природы. В этой концепции нашел воплощение весь опыт отечественной этнографии конца XIX – начала XX в. в области изучения теории и реалий происхождения и трансформации народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.П.* Этногенез. М. : Высшая школа, 1986. 176 с.
2. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 247 с.
3. *Токарев С.А.* История русской этнографии (дооктябрьский период). М. : Наука, 1966. 456 с.
4. *Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // Избранное. М. : Наука, 1999. С. 40–76.
5. *Ануцин Д.Н.* Беглый взгляд на прошлое антропологии и на ее задачи в России. М. : Типо-литография А.В. Васильева, 1900. 18 с.
6. *Францев В.А.* Лекции по исторической этнографии славян, читанные студентам Императорского Варшавского университета в 1911/12 академическом году. Варшава : Типо-литография Феликс Регульский и К., 1912. 347 с.
7. *Харузин Н.Н.* К вопросу об ассимиляционной способности русского народа. М. : Т-во Скоропеч. А.А. Левинсон, 1894. 36 с.
8. *Широкогоров С.М.* Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. URL: http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos/glava_01 (дата обращения 18.10.2008 г.).
9. *Shirokogoroff S.M.* Ethnological and Linguistical Aspects of Ural-Altai Hypothesis. Oosterhout N.B., 1970. 198 p.
10. *Широкогоров С.М.* Этнос. URL: http://www.shirokogorov.ru/s-m-shirokogorov/publications/ethnos/glava_06 (дата обращения 09.06.10 г.).
11. *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры // Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2007. С. 178–197.
12. *Вернадский Г.В.* Древняя Русь. Тверь : Леан ; Москва : Аграф, 1996. 448 с.
13. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М. : Айрис-пресс, 2004. 368 с.
14. *Савицкий П.Н.* Пути советской географии (по поводу выхода в свет 1-го тома Большого Советского атласа мира) // ГАРФ. Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 115.
15. *Трубецкой Н.С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Наследие Чингисхана. М. : Эксмо, 2007. С. 655–678.
16. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // Символ. Париж, 1999. № 42. С. 139–173.
17. *Савицкий П.Н.* В борьбе за евразийство // Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. С. 162–217.
18. *Решетов А.М.* Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М. : Наука, 2004. С. 137–183.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 июля 2011 г.